

18+

ЕЛЕНА НАУМОВА

СЛЕД ОТ СОЛНЕЧНОЙ
ТЕНИ

Елена Наумова

След от солнечной тени

«Издательские решения»

Наумова Е.

След от солнечной тени / Е. Наумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-508604-4

Николас Маккензи родился и вырос в Уинчестере, в Великобритании. В уютном городке, где дома с красными крышами расстелили свою паутину, Ник работает судмедэкспертом. Семья — прочерк, родители — прочерк, источники счастья — неизвестно. В одно утро в городских СМИ пролетела трагичная весть — жестоко убит молодой человек. Николас принимается за работу. На фоне расследования он знакомится с детективом Томом, Эммой, девушкой в желтом плаще и Лиззи, маленькой любительницей слонов. Как все они связаны?

ISBN 978-5-00-508604-4

© Наумова Е.

© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	17
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

След от солнечной тени

Елена Наумова

© Елена Наумова, 2021

ISBN 978-5-0050-8604-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Проснувшись раньше, чем обычно, Ник долго валялся в постели. Будильник неприятно звенел, означая зов трудовых будней. Из-за ночных выходов его друга он страшно, просто до невозмутимости, не выспался. Джон снова напился в каком-то дешевом пабе из-за подозрения жены в неверности и вновь завел пластинку о тех смс, что прочитал в ее телефоне, и странных звонках посреди ночи. Джон Малкович – хороший образованный парень, и Нику его действительно жаль. Жаль, потому что он позволяет жене проявлять такое неуважение к себе. А чувства? В них Ник сам давно не верит, поэтому старается не ссылаться на это в разговорах. Особенно с пьяным Джоном. Да и как сказать другу о том, что любимая его ни во что не ставит? Пару лет назад, когда он впервые наведлся к Нику, последний так и сказал, а потом всеми силами пытался вынуть из рук Джона нож, когда тот хотел покончить с собой. С того момента Ник выступал лишь в роли слушателя. Каждый раз убеждаясь, какими иногда глупыми бывают женатые люди, прося совета у того, у кого и семьи-то нет. В итоге, они с Джоном просидели у него на кухне почти до трех ночи, выкурив пару пачек сигарет. А после всего Ник немного приободрил его несколькими шаблонными советами, посадил в такси и отправил домой к женушке, которой наверняка тогда не оказалось дома. Ник тогда посмотрел на часы, они показывали 3:42.

Встав с постели, он прошел по узкому коридору, ведущему в кухню, и включил чайник. Первые лучи солнца откидывали тени на стены, обрамляя большие окна. Проходя мимо гостиной, Николас заметил свечение, которое заставило его вспомнить о том, о чем он не хотел даже думать. Квартира, находившаяся в спокойном районе Уинчестера, досталась ему от родителей. Хотя в этом по нынешним меркам небольшом городке Англии безопасным принято считать каждый район. Приняв душ и одевшись в чистое, Ник приступил к самому любимому, что только может быть по утрам, – кофе. Аромат растворимого кофе был приятным, но его не сравнишь с тем, что подают в кафе за углом. Ник сел на стул, который стоял напротив окна, и стал наблюдать за просыпающимся Уинчестером. Зрелище, надо признать, довольно однообразное. Хозяйка с собакой, разносчик газет, школьники и снова хозяйка с собакой. Утро уже взяло бразды правления в свои руки. Солнце поднялось над горизонтом, свежесть его лучей наполнила колоритную улочку, все предвещало новый день. Николас любил это состояние. «Ощущение простого одиночества. Его плюс в том, что оно всегда разное. Нет того гнетущего состояния, что было бы, если б я жил не один. Ведь именно сейчас я свободен. Свободен от людей, принципов, стереотипов. Мне не нужно надевать маску и разноцветный карнавальный костюм. Сейчас я тот, кем являюсь на самом деле». Кофе остывал. Пить его охлажденным уже вошло у Ника в привычку. Иногда, задумавшись, он не замечал, как звонит его телефон, что уж о кофе говорить. Портреты отца и матери Николаса висели на одной стене рядом друг с другом. В детстве он часто был свидетелем их скандалов и после смерти родителей решил, что они больше не будут ругаться. И действительно, теперь Ник не слышал их криков. Сейчас в этой квартире он часто слушал альтернативный рок, который любил включать совсем тихо, чего Макс совсем не понимал...

– Как рок может играть тихо?! – возмущался Макс, когда они очередной раз вчетвером собрались у Ника.

– Обычно, Макс, – развалившись в мягком клетчатом кресле у окна и продолжая медленно цедить пиво из кружки, невозмутимо отвечал Николас.

– Но ведь рок нельзя слушать тихо! Он должен раскрывать сердца, освобождать души! – не переставая громыхал Макс так, что его светлые волосы летали из стороны в сторону.

– Послушай, парень, кто-то перепил. И прошу тебя, слезь со стула, иначе завтра на своем рабочем месте я раскрою твои сердце и душу, – Джон и Ричард невольно издали смешок и про-

должили свою дискуссию по поводу жены Малковича. Тем временем Макс слез со стула, пролив немного пива на пол. Поняв, что хозяин вечеринки этого не заметил, быстро вытер пятно ногой, а ногу вытер об ковер.

– Ну так что, друзья мои, вы закончили спорить о громкости музыки, которую один из вас не слушает, а другой не понимает? – Ричард решил остановить этот хаос и вмешаться. Он повернулся к Макс, и тот увидел его самодовольное выражение лица. Самодовольное и пьяное. Ричард подошел к Нику и похлопал его по плечу так, что тот ощутил запах его дорогого парфюма и почувствовал боль на ключице от объятий огромных наручных часов Рича.

– Оу, а вы, мистер Благодетель, приложили все свои усилия, чтобы помочь? Хватило ли у вас смелости и УМА, дабы грамотно разобраться в несчастной любви Джона? – улыбаясь, сязвил пьяный Ник, оттаскивая галстук от шаловливых рук Рича.

– Но, ребята...

– Я хочу помочь ему, Ник!

– Не заводись, ты знаешь сам, что все это шутики. Мы все это понимаем. В который раз.

– Когда же ты научишься процеживать слова через сито в своей патологоанатомовской головке? Ему же плохо, а ты смеешь издеваться! Как тебе не стыдно?!

– А ты считаешь, что сможешь ему помочь? И это ты указываешь мне на стыд?! У тебя нет такого права. Считаешь, раз у тебя в жизни и жена, и любовницы, значит, ты во всем разбираешься и можешь влезать в души людей и рыться в них? Копаться, как бомж копается в мусорном баке у меня за домом?! Ты всегда лишь делаешь видимость, что помогаешь, а на самом деле от тебя нет толку. К тому же, потом об этих разговорах узнает одна из твоих подружек.

– Ребята, послушайте...

– Ты явно пьян, Ник. Ты просто невразумительно пьян! Несешь чушь! У меня нет желания...

– Остановитесь вы наконец! – вскричал Джон, громко поставив кружку с пивом на стойку. Он подошел к Ричарду и Николасу, стоящих рядом и даже не смотрящих друг на друга. – Один напоминает мне о несчастной любви и сравнивает мою душу с мусорным баком, а второй считает, что у меня есть проблемы, и он обязан их решать!

Ник и Ричард стояли в полном недоумении, повернувшись к Джону лицом.

– Но постой, разве не ты ПОСТОЯННО говоришь о Кларисии? Нытик ты чертов! Мы слушаем тебя, но за три года можно было бы и решить все проблемы. Разве я не прав, парни? – взбешенный Макс повернулся к ребятам, уже пьяно опиравшихся друг на друга. Они ничего не ответили. А Джон явно не ожидал такой реакции от Макса.

Минута тишины. Каждый успокаивался, приходил в себя. Естественно, никто и не вспомнит про этот разговор завтра. Не посмеет, ну или просто не сможет из-за выпитого алкоголя, что более вероятно. Вот уже Ричард и Ник сели за барную стойку, Макс к ним присоединился. А потом пришел и поникший Джон. Ей-богу, ну что еще взять с пьяных мужчин?

Взглянув на портреты родителей в молодости, что висели рядом на стене, Ник снова наслаждался тишиной. Допив свой холодный кофе, он схватил легкий пиджак светло-серого цвета, еще раз поправил темные волосы, свисающие прядями на лицо, и выбежал навстречу последнему летнему дню.

Глава вторая

Больница, в которой работает Николас, является единственной в Уинчестере. Длинное здание высотой в шесть этажей, лифтом и собственной столовой, где в обед собираются юные санитарочки в поисках опытного хирурга или неженатого терапевта. Подходя к крыльцу больницы, Ник увидел пару молодых ребят, что-то нервно обсуждающих и курящих без перерыва. Хм...

– О, мистер Макензи! Доброе утро! – хорошенькая миловидная девушка, поправив очки, выглянула из-за своей стойки регистрации и, светясь, посмотрела на только что вошедшего в двери больницы Ника.

– Доброе утро, Софи, – он на минуту решил задержаться возле стойки.

– Как прошли выходные? Я купила вам шоколадный пончик. Мало ли вы проголодаетесь и захотите перекусить, ведь до обеда еще много времени, —

звенел тонкий голосок Софи.

– Благодарю за этот милый жест... А, выходные? Выходные как всегда...

– Размерено и спокойно, – продолжила она.

– Именно, – улыбнулся Ник. – Сегодня есть... кто-нибудь для меня?

– Эм... да. Пожилая леди, 68 лет. Мужчина такого же возраста и... ребенок, – протянула она.

– Родственники? – нахмурившись, спросил Ник.

– Нет. Очередное совпадение. Их досье уже на вашем столе, мистер Макензи.

– Спасибо, Софи. Вся моя работа – одно сплошное совпадение, – он откланялся и направился к лифту.

В больнице уже было достаточно пациентов, которые сидели в очередях. «Старики, дети, взрослые... И у каждого свои проблемы, и каждый хочет рассказать о них. Хорошо, что я избавлен от таких мучений», – думал Николас, озираясь по сторонам.

– Мистер Макензи! Мистер Макензи! Вы забыли свой пончик! – громко закричала ассистентка, выбежав ему навстречу.

– О, благодарю вас. Вы слишком заботитесь обо мне.

– Да я просто не...

– Не стоит, дорогая... – опередил ее Ник и затем вошел в подъехавший пустой лифт. Нажав кнопку с цифрой «-1», он открыл упаковку с пончиком, и запах свежей выпечки заполнил движущуюся железную коробку.

Когда лифт остановился, и двери открылись, Николас увидел свой родной этаж. Этаж, куда привозят тех несчастных, кто уже не сможет ощутить этот аромат, что исходит от свежей выпечки, погулять с собакой или сходить в ресторан. Длинный коридор, ведущий вдаль, был освещен множеством ламп и замкнут десятком дверей в кабинеты врачей, занимающихся в основном тем же, чем и Ник. Он зашел в первую дверь слева.

– Просыпайся, Дэни, я пришел! – прокричал Ник, посильнее хлопнув дверью.

– О, боже мой! Еще пять минут. Я не спал всю ночь, – отмахнувшись от Ника, молодой санитар перевернулся на другой бок.

– Ты в курсе, что тебе нельзя так со мной разговаривать, малец? В конце концов, мне завидно. Так что поднимайся.

– Ну что на сегодня?

– Шоколадный пончик.

– М-м-м, люблю шоколад, – проговорил Дэни, нарочно облизав губы.

– Знаю, поэтому и взял.

Николас снял пиджак и повесил его в шкаф, а затем надел белый халат, на котором были бережно вышиты его инициалы нежными ручками Софи.

– А вас не напрягает, что она каждое утро что-нибудь приносит вам и опекает? Да и лебедит перед вами постоянно как... Кстати, как? – спросил Дэни и, потянувшись, наконец-то встал с дивана и сонно протер глаза.

– Как глупая влюбленная девушка.

– Почему бы вам не позвать ее на свидание? Или отплатить как-нибудь за этот вкусный пончик? Бедная. Это ж надо встать раньше на полчаса, зайти в пекарню, выбрать, купить и по приходу на работу еще привести себя в порядок. И все ради вас, между прочим.

Дэниэл посмотрел на него в ожидании какой-либо реакции, но наткнулся лишь на невозмутимый взгляд Николаса.

– У меня создается ощущение, что я с девушкой говорю. Не носи чушь.

– Что??

– Может, сходим на свидание? Если ты не против, конечно, – проговорил томным голосом Николас. А затем наклонил свое туловище над телом еще не проснувшегося санитара, что их носы почти коснулись друг друга.

– Мистер Макен...

– Ну а что ты мне в голову суешь глупые мысли? Я правда ей благодарен по-своему, – Ник выдержал паузу, – но делать этого для меня не просил, поэтому ничем Софи не обязан. Это ее инициатива. К тому же, я давно дал понять, что все напрасно. Я до сих пор удивлен, что ей не доложили, что все ее вкусные подарки съедает ты. Хотя, может, и доложили, но она продолжает это делать. Зачем? Вот вопрос. По глупости. Вот ответ.

Николас уже сидел на стуле и пил кофе, скрестив ноги, уже переобутые в рабочие эспадрильи.

– Да, вы правы.

– Я знаю. В чем именно?

– В том, что она глупа. Тратить свои лучшие годы на такого как вы – бесчувственного, упрямого и жестокого эгоиста. Человека, у которого нет желания просто сделать приятное кому-то, кроме себя. Улыбнуться в ответ – даже этого вы не можете. Когда с вами говоришь, ощущаешь дикую охоту поскорее избавиться от собеседника, исходящую от вас. Да, это действительно глупо. Прошу прощения, мне пора домой.

– Тогда сам позови ее на свидание, – произнес Ник, даже не глядя на парня. И, поставив опустошенную кофейную чашку на стол, встал со стула, добавив, – Кстати, я сегодня ей улыбнулся.

– Рад за вас, сэр.

И тяжелая дверь захлопнулась за Дэниэлом.

«Так, у этого парня получилось выбить меня из колеи на 10 минут. Должен заметить, он определенно прогрессирует. А теперь за работу», – думал Ник, направляясь в свой личный кабинет, что был в самом конце коридора. Кабинет был выполнен в стиле минимализм. Николас не терпел загроможденности на рабочем столе, поэтому на нем всегда лежала только пара папок с делами «клиентов». Также у стены находился архив с документами за текущий год, из-за чего к Нику часто заходили Лили и Сэм из соседнего кабинета. Они могли часами сидеть у него и говорить о составе картона, не замечая Ника. В общем, экстраординарная парочка. Сегодня же на его столе лежало всего три папки.

– Хм, с кого начать? Маленьким надо уступать, женщинам тоже, так что простите, мистер... Ламон, вы у нас последний. Начнем.

Николас вышел в коридор и вошел в тяжелую дверь напротив. Это и было основное место работы. Несколько трупов лежали на кушетках. При свете ярких ламп тела, ждущие, когда придет врач и обследует их, имели ужасный зеленый оттенок. Он взял первую папку в руки.

– Так, значит, вы у нас Саймон Андерсен, 13 лет. Избиение дома. Приятно познакомиться. Меня Ник зовут. Давайте посмотрим на вас, дорогой друг. У вас красивые черты лица. Глаза какие?.. О, карие. Кровоподтек под нижней челюстью справа, многочисленные ушибы, расположенные на спине. Слева от печени образовалась гематома. Хм. Ко всему прочему открытая черепно-мозговая травма, что и является причиной смерти. Боже мой. Кто же с тобой такое сотворил? Тебя били родители? А может, ты сам это сделал с собой? Тринадцатилетний подросток – самое время для несчастной любви. И если этот так, то нет в тебе романтики, малец, ибо проломить себе голову – не совсем эстетично. Нужно было повеситься у нее перед домом со слезливой запиской в руках в стиле «Я тебя люблю. Это ты виновата...» Эх, как жаль, что мне не рассказывают ваши истории, дорогие друзья. Как жаль! А, нет, все-таки родители, которые находятся в данный момент на допросе, если верить моим часам и достоверности записей в документах. Так, с вами все ясно. Сейчас я приду к вам... Миссис Брэштон, готовьтесь!

Николас сел за деревянный стол, что стоял в углу этого большого помещения и, заполняя карту мальчика с подробным описанием ранений и анализом его состояния, вспоминал слова Дэни, когда тот упрекнул его в цинизме. «Но как не стать циничным, когда каждый день видишь трупы? Когда единственное развлечение, что тебе позволено, это разговоры с ними? Цинизм – всего лишь защитная реакция. Разве нормальный человек стал бы советовать трупу тринадцатилетнего мальчика, как правильно сводить счеты с жизнью? Я уже привык к таким фразам и выражениям, обращенным в свой адрес. Обвиняя в этом выбранную профессию, я на самом деле получаю странное удовольствие от того, что причиняю им боль... И я говорю не о трупах».

– Дальше у нас вы, прекрасная леди. Должен признать, вы неплохо сохранились. И скольких избалованных мужчин за свою долгую жизнь вы пленили этими ножками? Особенно первой, которая у вас сломана. Милая леди, вы позволите мне немного интимнее вас осмотреть? Конечно, да, вы же мертвая. Так, тут все чисто. О, у вас сломана шея. Вот же, как неловко вышло. С лестницы упали, возможно. Несчастный случай. Только не говорите, что это было быстро, и вам не хватило. Обещаю, позже я вас опишу более подробно, чем того парнишку. Покидаю вас, прелестница.

– И, конечно же, вы, мистер Ламон. Рядом с вами лежит прекрасная леди, а вы даже не дышите. Это нехорошо с вашей стороны. Ох, да у вас огнестрел. О вас я сообщу моим друзьям из другого отделения, пусть разбираются. Что еще вы мне можете предложить? Кровь на руках, нужно взять биопсию. Хм, похоже, это все. Надеюсь, это не она в вас стреляла. Роковая женщина, поверьте мне, я же ее вижу. Сквозное пулевое ранение в живот. Куда же вас занесло, старина? Да и кому вы нужны в свои 65 лет, чтобы стрелять в вас? Подозрительный вы тип. Пожалуй, я закончил с вами, мои милые мертвецы. Надеюсь, мы с вами больше не увидимся.

«Я пытался покончить с этим, но не смог. Много времени прошло, и я просто не замечал этого. А когда наконец осознал, было уже поздно. Я уже был поглощен этими чувствами и страшными желаниями...»

Глава третья

Сидя в своем кабинете, Николас тщательно и дотошно описывал осмотренные тела. Коряво выводя каждую букву, он старался не упустить ни малейшей детали своего анализа. Ник забывал обо всем, когда его поглощали рабочие моменты. Работа заполняла его полностью, погружая в себя все глубже и глубже. Он тонул в собственных мыслях. Раскуроченные тела поступали крайне редко, но к ним Николас спешил сильнее, чем к «обычным» телам. Он хотел увидеть и прочувствовать те мучения, которые отражались на них. Кровь, раны, порезы, шрамы – все это казалось Николасу интересной историей жизни. Он читал их как книги. Разгадывал загадки жизни людей, изучая каждый надрез. Узнавал людей таким образом, избегая прямого общения с ними, их надоедливости и спонтанности, которые были чужды ему. Ему нравилось, что те молчат, что не имеют желаний, потребностей, а лишь ждут окончательного диагноза и долгожданного спокойствия, которое им может дать только Николас.

Сэм сидел напротив него и читал личное дело одного из трупов.

– Мне вот всегда было интересно, что чувствуют люди в последние минуты своей жизни. О чем они думают? А может, их мысли уже не с ними в эти минуты? Может, они просто осознают, что вот и все? Что происходит с их сознанием до того, как они выдохнут последний воздух из легких?

– Ты в курсе, что на работе пить нельзя?

– Да, конечно. Я абсолютно трезв. Что вообще за вопрос?

– Думаю, они сожалеют, – Николас наконец-то оторвался от своей писанины и, подойдя к вентиляции, закурил.

– Сожалеют? – Сэм с недоумением посмотрел на него.

– Именно, Сэмми. Людям свойственно все драматизировать. Более того, им всегда мало. В последние моменты жизни они погружаются в воспоминания. У них мелькают картинки с самыми хорошими моментами жизни. Появляется мысль: «А почему так мало?» А затем они вспоминают то, на что не хватило смелости. Вот тут они и понимают трагичность всей ситуации. Кто-то не погнался за девочкой, в которую был влюблен, и до конца своих дней прожил в одиночестве... Или даже что-то типа обыкновенного прыжка с парашюта. Ты вот прыгал? Уверен, что нет. Говоря о сожалении, я не имел в виду тех, кто самовольно решает умереть. Кто, уже стоя на крыше, сначала проклинает этот мир, а потом благодарит всех, кто был в его жизни громкими речами, сантиментами... и делает шаг в бесконечную ночь. Кажется, такой сценарий. Драматично, не так ли? – Николас самодовольно улыбнулся собеседнику и продолжил. – По их мнению, у них уже все закончено и изведено... Ты знаешь, я никогда не устану поражаться человеческой глупости. А те, кто умирают от элементарной старости, плачут в самом конце. Это и есть сожаление о мелочах.

– Знаешь, ты сейчас говоришь «они», «люди», будто себя не относишь к «ним». Да и ведь есть куча случаев, когда пожилые сами просили дать им таблетки, чтобы... поскорее это случилось. Для них смерть – это спасение.

Николас тяжело выдохнул табачный дым, легкая ухмылка появилась у него на лице.

– А я и не считаю себя принадлежащим к ним. Ничего, кроме гневной жалости, я к ним не чувствую. Я не хочу быть одним из «этих». Возвращаясь к твоему вопросу, ну, а кто попрет против простой усталости? Усталости от постоянных трубок, капельниц, таблеток и терапий? И у тех потекут слезы в конце. Каждому есть о чем сожалеть.

– Ты тоже о чем-то сожалеешь?

– Не равняй нас. Бывало.

– Расскажешь?

– Нет, конечно. С чего ты взял?

– Я просто думал, что...

– Что? – резко оборвал его Ник. – Что узнав про мои сожаления, ты поможешь мне? Что я буду откровенничать с тобой, и после этого разговора мы станем друзьями, которые каждое воскресенье собираются у кого-то в гостях и дарят подарки на Рождество? На это рассчитывал? – все так же ухмыляясь, Николас смотрел в упор на погрязшего в смятении Сэма.

– Я, наверное, пойду, Ник.

Сэм немного привстал со стула.

– Да сиди, ладно. На чем мы остановились?

– Ты много куришь, это уже вторая за последние пять минут.

– Тогда я тебе обещаю, что обязательно буду сожалеть об этом перед смертью. Продолжим. Ты читал досье на мальчишку?

– Да, мельком.

– Что скажешь?

– Избиение. Жалко парня.

– В этом я не могу не согласиться.

– Серьезно? Тебе кого-то жаль? – не без иронии проговорил Сэм.

– Не издевайся. И да, мне его жаль. Сейчас то, что я скажу, прозвучит жестоко, но мне нужно это сказать, ибо, не зная этого, ты меня не поймешь.

– Да я и так тебя не совсем понимаю.

– Ко мне попадают тысячи мертвых людей в год. Тысячи. И что хочу сказать: мне не столько жаль младенцев, сколько таких парней как Саймон Андерсен. Ибо парни в его возрасте уже умеют думать, они знают, что это такое – знать, планировать, действовать. У них даже, возможно, есть план на ближайшее будущее, возможно, великое будущее... И тут нелепый случай портит все. Понимаешь? Все, – он щелкнул пальцами, – нить оборвалась. И подумай, что было в его голове, когда он чувствовал удар за ударом? Его избили родители до смерти. Те самые люди, которые были обязаны заботиться и защищать его, пока есть силы, избили собственного ребенка. О чем он думал во время всего этого? Уж не о жестокости родителей, о силе их ударов. А о том, чтобы это прекратилось, о том, сколько всего он уже не сможет сделать. Сэмми, он представлял все это и сожалел. А в твоём возрасте только спустя время осознаешь всю полноту утраты. Это неписанный и в то же время нерушимый закон, который подкреплён чувствами, имеющими разную природу происхождения. Сожаление – самое пространное и САМОЕ гадкое чувство из всех. Честно. Оно столько людей сломало и переключило, что не сосчитать. И если ты думаешь, что перенесешь обидное событие без него, то я тебе скажу – ты глубоко ошибаешься. Вспомни, неужели ты не сожалел, когда твоего пса сбила машина или когда ты расстался с девушкой в институте? Повсюду это ощущение. Знаешь, как оно действует? Хотя мне плевать, я все равно расскажу, я уже вошел во вкус. Так вот, сначала оно кидает в тебя камнем. Да, именно камнем, чтобы ты почувствовал удар и чтобы образовался синяк. А лучше гематома, чтоб наверняка. Затем пропадает на время, давая тебе возможность прийти в норму. А вот после этого оно снова бросает камень, только уже побольше, в то же самое место. Боль от этого намного сильнее, чем в первый раз, рана глубже и серьезнее. И так будет продолжаться до тех пор, пока весь ты не покроешься ссадинами. Но я тебе открою секрет – есть средство против этого. Есть тот самый щит. Нужно лишь возвести вокруг себя стену. Желательно, из кирпича. Красного – печного и огнеупорного. На случай всплеск эмоций. И тогда ни одно чувство не сможет причинить тебе боль. У тебя будет все, что нужно для проживания жизни, но не будет ничего для воспоминаний. Согласись, небольшая цена за целостность и сохранность души и сердца?

«...И пару лет назад я окончательно пропитался ими».

Глава четвертая

Николас

– И ты представляешь, что она ответила?! Ты даже не представляешь! «Джонни, я поехала к Брэду». К Брэду!! Понимаешь?! Она же ясно призналась в измене! Я всю ночь переживал за нее, ведь было уговорено, что она идет с подругами по работе и придет домой не позже 12. А утром она появляется дома, настежь распахивает дверь, вся помятая, пьяная. К тому же... От нее разило мужскими духами... Это так горько осознавать...

Джон, сидя за барной стойкой, хватался за голову, упивался финской водкой, которая осталась еще с его прошлого визита ко мне, и рассказывал историю одновременно похожую и в то же время отличающуюся от предшествующих. А мне оставалось лишь сидеть с невозмутимым лицом напротив него и ждать, пока подтянутся Макс и Рич.

– И что ты собираешься делать в этой ситуации? – спросил я, вспомнив единственную заученную фразу из пособия для чайников по психологическому анализу поведения человека. Мне нужно просто тянуть время. Просто тянуть время...

– Я? Это что она собирается делать! Я и пальцем в доме не пошевелю!

– Действительно. Правильно, нет способа лучше наказать жену за очередную измену, чем отлынивание от обязанностей по дому. Ты гений, Джон. Значит, ты с ней даже не поругался?

– Нет.

– А раздеться-то хоть помог, когда она заявила домой в таком виде?

– Конечно, да.

– Ты молодец.

Я встал и похлопал слабого Джона по плечу. По его внешнему виду можно было с уверенностью утверждать, что при малейшем соприкосновении с окружающим миром он разобьется вдребезги. Но, к счастью или к сожалению, этого не произошло. Вот смотрю я на него – вроде привлекательный парень, умный, хорошо зарабатывает. И как он докатился до такого в семейной жизни? У них нет детей, и почему он держится за нее? Никто, даже я, не может сказать, что за мысли сейчас у него в голове. Опять же, к счастью, а может, к сожалению.

– Ник?

– Что?

– По-моему, ей лучше было бы, чтобы тогда она осталась с тобой...

– Не начинай снова, Джон.

– Я серьезно.

– Твой мозг сейчас под действием сильного алкогольного вещества, ты в принципе не можешь серьезно говорить. Да и почему это? Значит, когда ты понял, насколько у тебя плохая жена, то сразу ее мне толкаешь? Джон, если бы даже тогда она выбрала меня, то это не изменило бы ее человеческой сущности. Она бы изменяла и мне. Правда, я бы развелся сразу же, но это уже не имеет к нашему разговору никакого отношения. Человеческая сущность очень интересна при детальном ее рассмотрении, друг мой. Казалось бы, в процессе роста и развития человек накапливает ум, опыт, мудрость даже, но это не совсем так. На самом же деле, человек всего лишь пополняет свой ум знаниями до того уровня, на который способен развиваться мозг этого человека. У человеческого ума есть свой лимит, я считаю. На настоящий момент мы с тобой знаем ровно столько, сколько нам полагается в данный момент, не более и не менее. И мы не знаем, изучим ли мы завтра что-нибудь новое или нет. Не знаем, достигли ли мы того окончательного уровня или у нас еще есть время. Было бы обидно, если этот лимит уже использован нами. В наши-то неполные 35 лет. И с одной стороны, это хорошо, ибо ты уже знаешь все, что полагается именно тебе. Ты можешь понять, на что способен твой ум, и даже быстро справиться с поставленной задачей. И ты вроде молодец, но в то же время возникает сокру-

шительное неподвластное чувство, что... – оглянувшись на Джона, я увидел, как он заснул на моей барной стойке. Видимо, я увлекся и совсем забыл, с кем разговариваю.

Тут в дверь постучали, и это оказались долгожданные Макс и Ричард. Увидев пьяного друга, что спит на моей кухне, они переглянулись. Я предложил уложить его на диван, а самим занять его место и отдохнуть. Пока наш дорогой смельчак храпел на моем диване, а парни готовили бутерброды, я спокойно сидел и слушал, как они обсуждают поведение секретарши Рича в постели.

– Ричард, можно тебя спросить о деле, давно меня интересующем? – ненавязчиво начал я, когда друзья присоединились к моему пиву.

– Для тебя, Ники, все что угодно, – ответил Рич, засовывая себе в рот огромный бутерброд с пармской ветчиной и ржаным хлебом и грязными руками поправляя светло-русую прядь волос, что выпала из хвоста.

– Что ты чувствуешь, когда изменяешь Мэри?

– Это сложный вопрос. Спроси конкретней.

– Рич, как ты можешь так прямо об этом говорить? – недоумевал Макс, переводя взгляд с него на меня и обратно. Я лишь пожимал плечами.

– Для меня это совершенно нормальный вопрос. И я не вижу ничего страшного в том, чтобы поговорить об этом.

– Да, к тому же, не забывай, – посмотрел я на Макса, – для него это лишь еще один способ похвалиться успехами на любовном фронте в свои взрослые 35 лет. При этом унизив нас с тобой.

Рич скорчил язвительную гримасу.

– Ну так что тебя конкретно интересует?

– Мне интересно, какие чувства ты испытываешь, когда держишь в объятиях не свою жену, с которой у тебя ребенок, осмелюсь напомнить, а... секретаршу, к примеру? Вот ты видишь ее глаза, гладишь ее волосы, целуешь шею, четко ли ты осознаешь измену и то, кому изменяешь? Понимаешь ли, что рушишь свою семью? Значит ли хоть что-нибудь для тебя это слово – «семья»? И что для тебя понятие «измена»? – я перевел взгляд на Макса, ожидая его реакцию.

Сам Ричард даже не задумывался над этими вопросами, на которые ждали ответа его друзья и причем немедленно. Он не мог позволить поставить себя в неловкую ситуацию. Впервые за долгое время его завела в тупик простая беседа в кругу друзей. Обычно он не закичивается на разговорах с ними, но эти вопросы, заданные невзначай и в такой непринужденной и обыденной форме, заставили его хорошенько подумать. А, может, Николас прекрасно знал об этом и специально решил уколоть его? Но это не меняет сложившуюся ситуацию, ему нужно ответить на вопросы. И чем быстрее, тем лучше...

– Начнем по порядку: мне нравятся женщины, особенно, когда их много. У каждой из них свой аромат, свои привычки, свои предпочтения. Конечно, я осознаю измену, и мне даже иногда стыдно перед женой за то, что я творю с другими женщинами в постели. Но, как говорится, «не пойман – не вор». Мэри не догадывается об этом, ей не нужны переживания. У нас хорошая семья, этого ей достаточно. Начнутся скандалы, подозрения, волны раздражения, которые будут все чаще и чаще нахлестывать... Нам не нужно это, у нас же сын... – Ричард и сам сразу не понял, какое большое значение придал последней фразе. Казалось, впервые он произнес ее с каким-то странным чувством. Чувство ответственности? Или же тягости?

– Я, конечно, не совсем удовлетворен ответом. Ну, значит, ты сказал только то, что нам следует знать, – заключил я, разводя руками.

– А зачем тогда тебе нужна семья, раз любишь баб? – Макс находился в состоянии тихой злобы. – Зачем делал ребенка? Ведь ты наверняка уже тогда начал изменять. Бедная Мэри! Она старается для такого морального уroda, как ты. Готовит, стирает, убирает, Джордж на ней... Ты говорил, она пожертвовала карьерой ради него и сохранения семейного очага в доме. Но у тебя ни капли благодарности, – злостно прошипел Макс. – Даже такая жена, как у Джона, все ему рассказала. Ну или пыталась, по крайней мере. А у тебя кишка тонка во всем признаться. Ты просто боишься. Но чего ты боишься больше? Того, что Мэри и Джордж откажутся от тебя, что твоя опора уйдет из-под ног, женщина, что всегда была рядом и поддерживала тебя, в ком ты черпал силы, чтобы прожить еще один гребанный день своей жалкой жизни, уйдет и не обернется больше? Или того, что тебе всю жизнь придется ложиться в постель лишь с одной женщиной, не испытывая удовольствия, а лишь унылое однообразие?! – громыхал в пьяной ярости Макс. С каждым его словом гнев усиливался, и глаза становились все безжалостней, в то время как Ричард сидел абсолютно обескураженный, нервно крутя кольцо на безымянной пальце. И капли пота чуть выступали на его сморщенном от эмоций лбу.

Я сидел и лишь наблюдал за сценой. Я не ставил перед собой задачу участвовать в беседе, а только надавил на Макса, чтобы тот в свою очередь взбесился из-за отсутствия морали в поступках Рича. Потому что если бы это говорил я, Ричард не стал бы и слушать. А так я вбил кол между ними и сейчас наблюдаю, как Ричард все сильнее и сильнее сжирает себя изнутри своими же мыслями, а Макс продолжает тираду про мораль. Только сейчас я вижу не совсем тот результат, что планировал. Сначала я хотел размазать Ричарда и полюбоваться, но теперь, видя, как он растерян от потока режущих слов, мне его становится жаль. А я не люблю то состояние, при котором жалею человека. Особенно такого, как Ричард. Сколько себя помню, он всегда был во всеоружии, чтобы найти единственно точный ответ на мой очередной колкий вопрос или фразу. Но сейчас он бессилен, и самое страшное... Я вижу его таким.

Ричард

Я уже подходил к дому, но до сих пор мои мысли блуждали где-то далеко. На улице выступил влажный мрачный туман, видимость метров пятьдесят. Ночью мой квартал превращается в квартал из какого-нибудь классического ужастика. Тени от карликовых деревьев на стенах домов напоминали монстров. От каждого шороха я вздрагивал. Страх и ощущение отсутствия себя в данный момент и в данном месте пугало меня. Я не узнавал сам себя. Сердце колотилось со страшной силой, и я ощущал, как пульсируют виски. Закутавшись в пиджак и придерживая его руками, я шатаюсь проходил мимо окон своего дома. В некоторых из них горел свет, но большинство семей спало, что не мудрено в два часа ночи. То, что таксист перепутал адрес, лишь навесило на меня еще больший страх неизвестности. Влажный траурный воздух вовлекал в состояние глубокой протрации. Слова Макса, сказанные в этот вечер, все отдавались эхом в голове. Я сел на лавку возле подъезда. Несмотря на жуткий холод, я не хотел домой. Лучше бы поехал к Шарлотте, она бы не задавала лишних вопросов, и я не встретился бы взглядом с Мэри... Хотя бы не сейчас.

Никогда я не думал об измене как о чем-то запретном в семейной жизни. Я всегда гулял, и для меня это было нормально. Да, по мнению большинства женщин, я скотина, но можно ведь рассмотреть измену с другой стороны. Секс на стороне – словно отдушину для меня. Там я снимаю рабочий стресс и не ношу его домой. И семейная жизнь без криков – это очень хорошо. Все эти девушки ничего для меня не значат, я всегда возвращаюсь к семье. Говорю сейчас так, будто оправдываюсь перед женой. Хотя ее здесь нет, это точно оправдание. А я никогда не оправдывался. МАКС! Зачем ты все так мне усложнил, черт тебя дери?! «А зачем тебе нужна семья тогда, раз любишь баб?» Но раньше я действительно хотел семью и создал ее. Буквально пару лет назад я и не допускал мысль об измене. Что же произошло? Тогда для меня предать Мэри было самым страшным преступлением, за которое я готов был понести соответ-

ствующее наказание. Все началось с корпоратива на работе. Мелкая интрижка с секретаршей, как у большинства. Наутро было стыдно смотреть Мэри в глаза, а ведь она даже не знала... Она так открыто смотрела на меня, поверив, что я приболел, и ухаживала за мной весь день, пока я валялся в постели и писал Лесли, как скучаю по ней... С этого все и началось. Как же мне гнусно теперь! Проклятый Макс!

Еще вчера я был уверен, что все делаю правильно, не думая ни о чем. А он спутал мне все карты своей моралью и ответственностью. Хотя, если подумать, он всего лишь напомнил мне о существовании Мэри и Джорджа, что сейчас ждут меня дома. Мэри, наверное, приготовила ризотто, которое я так люблю, и, сидя на кухне, пьет чай с мятой и читает книгу, закинув ноги на стул. Локоны ее волос не достают до ее изящной шеи. Пару месяцев назад она пожертвовала свои длинные волосы в благотворительный фонд. А Джордж спит в своей комнате, тихо сопя, и совершенно не подозревает, какую жизнь ведет его отец. Ощущение, будто все внутренности сжались в несколько раз. Николас тоже хорош, что начал эту тему. Получается, я действительно не лучше жены Джона. Две настолько разные стороны одной удручающей ситуации. Стоп. С какого момента моя жизнь стала удручающей ситуацией? Так, все, нужно подниматься.

Тихо заперев дверь с обратной стороны, я прислушался к атмосфере дома. Все было тихо. На кухне горел свет, но Мэри не было. В голове шумело до сих пор. Лучше бы Мэри сейчас сидела на кухне, как она обычно делала, когда я снова поздно возвращался после посиделок или с работы. А ее отсутствие в данный момент лишь усиливало эффект от слов Макса. Голыми ногами я зашагал по паркетному полу в спальню удостовериться, что Мэри не ушла. Но перед этим решил зайти к сыну. Джордж спокойно спал, засунув в рот большой палец. Меня завораживал его невинный и чуткий сон. Завораживал и пугал. Это маленькое существо изменило мою жизнь. Я не мог сказать в хорошую сторону или плохую, просто изменило. Да и вообще, как можно говорить, что все изменилось к худшему или лучшему? Если что-то в жизни меняется, то не в какую-то одну из двух сторон. Перемены – это знак того, что человек просто живет. Разве что по последствиям судить. Но ведь и это не гарант, что дальше все будет так же хорошо или наоборот плохо. Все равно все снова изменится.

Я аккуратно открыл дверь в спальню. Мэри заснула с книгой в руках. У меня вырвался вздох облегчения. Я подошел к стулу, куда обычно вешал брюки и рубашку. Мой взгляд привлекла картина, которую Мэри совсем недавно купила на аукционе. На ней изображена девушка, танцующая на мосту, а сзади нее расположены дома по обеим сторонам канала. Венеция, возможно. Там у нас был медовый месяц. Лица девушки не было видно, пряди длинных волос путались на ветру и отсвечивали лучи заходящего солнца. Были видны мазки кисти, что наносились второпях, поэтому картина не выглядела совсем искусственной. По сути, только по этой причине я согласился повесить ее. Когда Мэри продемонстрировала купленный шедевр, он показался мне не стоящим тех денег, что она заплатила. Но сейчас, глядя на картину, я ощутил те воспоминания медового месяца, тот прилив чувств, какие, видимо, испытала и Мэри при покупке. Я лег рядом с женой, почувствовал ее дыхание, тепло ее рук, из которых вынул книгу, и объятия, которые всегда были открыты только для меня. Затем я посмотрел на свои руки: сколько девушек прошло через них, по сути, бессмысленно?

– Ты уже дома? – произнесла Мэри, чуть приоткрыв глаза и еле уловимо улыбнувшись.
– Да, милая. Теперь дома.

«Есть вещи, которые мы можем изменить, переосмыслив их. Но я не захотел ничего менять».

Глава пятая

Николас

Вот уже две недели как Ричард игнорировал приглашения на очередное добротное виски. Макс продолжал корить себя за сказанные слова и ежедневно названивал мне, чтобы в очередной раз оправдаться.

– Ты точно считаешь, что я все правильно сказал?

– Конечно, Макс, перестань валять дурака. Что это был за звук? Что ты только что сделал?

– Закурил.

– Но ты же бросил шесть лет назад.

– Я больше так не могу, Ники! А если он покончил жизнь самоубийством?! Что тогда? Я виновник его скоропостижного ухода! Я! Как я мог? Сам не знаю, что на меня нашло, просто стало обидно за Мэри. Она ведь действительно его любит, а он...

Я услышал, как тот с наслаждением выдохнул табачный дым.

– Если бы Ричард умер, я бы узнал об этом одним из первых.

– Ах, ну да...

– И вот еще что. Перестань нагнетать ситуацию. Давно бы сходил к нему в гости и проведаль, чем тут по телефону распускать сопли. Ты же мужик.

– Дело в том, Ник, что я ходил уже... – удрученно вздохнув, проговорил Макс.

– Как давно?

– Я хожу каждые два дня после восьми часов вечера. Звоню в дверь, но никто не открывает, света в окнах тоже нет. Затем выхожу на улицу и начинаю кричать его имя и просить прощения за сказанные слова. Его соседка, такая противная старуха, несколько раз грозилась вызвать полицию. Я даже составил график посещений! Он забит в моем смартфоне, я его вышлю тебе по электронной почте.

– Ну уж нет, увольте. Пусть это останется лишь твоим оправданием беспокойства за его безопасность. Ты не думаешь, что пора перестать? Может, он попросту переехал? И его действительно там нет?

– Я пытался выведать у старухи, куда они делись. А она лишь орала: «А ну проваливай изверг, а то я изобью тебя битой! И вызову полицию!».

– М-да, неловкая ситуация.

– И я об этом! Разве я похож на изверга?! Изверг...

– Да я не про соседку. Просто я сейчас стою над развороченным трупом со вспоротым животом. Представляешь, все внутренности вырезаны и переложены на другие места. Сердце, к примеру, находится в зоне паха, а желудок втиснут под ребра. О, боже мой...

– Что? Почему ты смеешься?!

– Если б ты знал, где находится его мошонка!

– СТОП! Думаю, мне не стоит знать об этом.

– Макс, давай поговорим о Риче позже. Ты можешь позвонить Джону и рассказать все. Мне пока не слишком удобно разговаривать, я пытаюсь вытащить его половые органы из...

– Пока.

– Сэм, расскажи подробнее, что там случилось. Я здесь словно крот, ничего не знаю и не вижу. Мне привезли тело, чтобы я обследовал его как независимый эксперт, который не знает о материалах дела. Итак, отчет составлен, он перед тобой, теперь можешь рассказывать.

Я устроился поудобнее в своем кресле с мягкой обивкой черного цвета и в упор уставился на Сэма. Тот по-прежнему колебался. Идя ко мне в кабинет за отчетом, он знал, что

подвергнется испытанию допроса. Поэтому Сэм часто подсылал Лили. Видимо, сегодня ее нет, что сыграло мне на руку. Конечно же, мне не хочется его подставлять, да я и не собираюсь, но я обязан узнать, кто это сотворил и зачем. Мое желание знать больше, которое мне полагается по специфике должности, сравнимо лишь с постоянным желанием курить. Ни от первого, ни от второго я отказываться не намерен.

– Ну же, Сэм, чего ты боишься?

– Я не боюсь.

– Поспорю, ты часто сглатываешь слюну, а твои нервно шебаршащие халат руки под столом говорят об обратном. Не ломайся. Я клянусь, что не расскажу никому. Разве я тебя подводил когда-нибудь? Эх, попросил первый раз в жизни о чем-то...

Последнее предложение я произнес слегка разочарованным тоном, чтобы чуть надавить на его совесть. Хотя в данной-то ситуации, если посудить, это я беспринципная свинья.

– Ну ладно... – проговорил Сэм поверженным тоном, открыл отчет и скрестил на нем руки. Его лицо ничего не выражало, оно было... никаким, даже пустым.

– Стой! Я схожу за сигареткой!

Я вскочил со стула, направился к шкафу с заначкой и услышал его грустные бормотания за моей спиной.

– Ну я только настроился...

– Ничего страшного. Ты сможешь это сделать еще раз.

Я лихорадочно покурил и довольный тем, что добился своего, плюхнулся в кресло.

– Все, я готов к приему информации.

– Послушай, все, что сейчас я тебе расскажу, очень конфиденциально, – сказал Сэм заговорщически.

– Да-да-да, я понимаю.

Мне ничего не оставалось, кроме того, что иронически его поддержать. Поэтому я придвинулся ближе и свел руки в замок, дабы показать мой серьезный подход к делу, и даже нахмурил брови до появления морщины меж них.

Сэм долго собирался с мыслями. Для него разглашение секретной информации было страшнее смерти. Этот человек, что сидел напротив меня, конченный перфекционист. Его ручка, лежащая в нагрудном кармане халата, идеально совпадает по размерам с окантовкой. Каждый локон его и без того коротких волос обильно опрыскан лаком и надежно соединен с основной копной модной прически. Кроме того, он чересчур чистоплотен. Но это даже хорошо, учитывая где и кем он работает. И бегать в туалет, чтобы помыть руки, каждые пятнадцать минут, это неплохо. Кстати, о времени. У меня осталось ровно семь из этих пятнадцати, чтобы Сэм успел все мне рассказать. Его карие глаза наконец-то устали на меня в упор, словно прижимали к стенке невидимыми руками, чтобы я не смог пошевелиться и снова не испортил ему настрой. Даже я почувствовал себя неловко. Он распилил меня взглядом на две части.

– У тебя красивая рубашка.

– Спасибо, Сэм. Купил ее недавно в том магазинчике, про который ты мне говорил. Знал, что ты оценишь.

Еще бы он не оценил. На рубашке изображены параллельные черные линии вдоль туловища, а внутренняя сторона воротничка светло-бежевого цвета, что гармонировало с пуговицами.

– Ты готов слушать? Последний раз спрашиваю.

– Если ты готов говорить, я готов слушать.

– Тут особо и рассказывать нечего...

– Не преуменьшай, ты так долго собирался с мыслями только тогда, когда делал предложение Лили. В этом же кабинете, осмелюсь напомнить.

– Не перебивай, пожалуйста.

– Прошу прощения.

Он многозначительно посмотрел на меня.

– В общем, мы сами всего не знаем, что там творится, но я уверен, что этот труп не последний. Пару часов назад поступил еще такой. Ну в смысле, с такими же «симптомами». Скоро тебе его привезут...

Сэм показал знак переносного смысла, поднеся руки к голове.

– «Симптомами»?! – я начал неконтролируемо смеяться, его формулировка меня расшевелила. – Сэм, прости, конечно, что перебил, но ты назвал раскуроченное тело с выкорчеванными органами «симптомами»! – мой смех усилился, и я повторил его жест. – Оказывается, ты больший циник, чем я предполагал.

– Спасибо, но я продолжу рассказ.

– Да, пожалуйста, – и я вернулся в исходное положение.

– О чем я говорил?

– О «симптомах», – я снова сделал это движение руками.

– Я пропущу мимо глаз твои детские забавы.

– Послушай, это получается серийный убийца?

– Скорее всего. Это мы узнаем из твоего следующего отчета о втором поступившем.

– Потрясающе...

– Что?

– В Уинчестере завелся убийца, который раскраивает жертв, вспарывает им животы и переставляет органы местами, словно собирая паззл. А знаешь, на что я обратил внимание? У парня сначала слили кровь, а только потом раскурочили.

– К чему ты?

– Возможно, убийца не хотел замарать руки, не любит лямпаться. Это относится не только к крови, это нечто психологическое скорее. По официальным документам первый поступил вчера в 10 утра, а второй?..

– В 12:34

– Значит, убийца не привязан ко времени, он лишает жизни конкретных людей.

– О чем ты?

– Давай заменим слово «убийца» на какое-нибудь другое? Оно слишком громкое.

– Тогда пусть это будет... Ленивец.

– Почему именно ленивец?

– Первое, что в голову пришло.

– Сэм, а почему ты думаешь о ленивцах?

– Проехали... Тогда предложи ты.

– Давай назовем его Комар.

– А ты почему о комарах думаешь?

– Друг мой, о комарах сейчас думать нормально. Сейчас начало осени, и они везде. А вот то, что ты о ленивцах думаешь, это меня настораживает.

– Хорошо, пусть будет Комар.

После этих слов Сэм резко поднялся со стула и вышел из кабинета, ничего не говоря. Понятно, мои спасительные семь минут закончились. У него что, будильник? Он забыл отчет, как непредусмотрительно с его стороны. Там должно быть досье. Я взял папку в руки, начал быстро пролистывать то, что написал я, и в конце наткнулся на карточку с личной информацией, фотографиями, перенесенными болезнями, датой рождения, поступления в школу, институт... По сути, теперь человек живет только в этой желтой папке. Вот так. Никакого наследия после себя, только лишь информация. Хотя в наше время за информацию убивают. Если бы это относилось к данному случаю, то его попросту заказали бы. Зачем кому-то так

издеваться? Значит, этого парня точно убили не по этой причине. Может, не стоит влезать? Показалось. Стоит, конечно. Так... Марк Сплиттер, 27 лет, родился... Так, так, так... Это не то. При жизни он был симпатичней, чем сейчас. Не женат. Родители в разводе. Жил в паре кварталов от меня. Должно же быть что-то интересное. Работал... кондуктором. Пустой случай. Ничего примечательного. Вот бы попасть на место его обнаружения. На спине множественные царапины, будто его волокли по каменистой поверхности. Не асфальт, не дерево, возможно, заброшенное здание, где обсыпалась вся штукатурка. Нечто такого происхождения, думаю.

Только я собирался закурить, как в мой кабинет ворвался Сэм и сказал, что номер два поступил.

– Николас, можешь быстрее?

– Не могу, я переел пончиков.

– Ты хоть представляешь, как это серьезно? А если сейчас ты обнаружишь то, что поможет выйти на след Комара? Ты можешь спасти чью-то жизнь, – договорив это, он пулей вылетел обратно.

– Ты куда собрался?

– Мы с Лили идем на мюзикл.

Когда я вышел в коридор и направился в свой кабинет, увидел его одетым, махающим мне рукой из лифта.

– Мне хоть заплатят? – крикнул я ему вдогонку, но двери лифта закрылись раньше, чем он смог меня услышать. Ну что ж, посмотрим.

Как только я зашел в кабинет, мне в глаза ударил яркий белый холодный свет. Мои глаза не сразу привыкли, и пару секунд я щурился, оставаясь беззащитным. Глаза могли подвести меня, но только не мой нос, который сразу же почувствовал запах новоиспеченного трупа. Натянув с трудом на свои длинные пальцы одноразовые перчатки, маску и передник, я снова вспомнил довольное лицо Сэма, машущего мне из лифта. Он был так неподдельно рад. Да, рад, что идет домой, а не потому, что я каким-то волшебным образом укажу на убийцу. Перед тем, как оглянуться и увидеть труп, я решил собраться с мыслями и настроиться. Уверен, картина, что сейчас предстанет перед моим лицом, будет ужасающей. Возможно, отрубленная голова будет истекать кровью прямо на пол. Или я увижу следы пыток, что использовали в Средневековье. Как-то Макс поведал мне о них, начитавшись ужасиков. Вообще, он очень впечатлительный. Это иногда выводит из себя. И честно признаться, после его лекции в моей голове ничего не поменялось. Тем людям нужна была информация, и они делали все, чтобы ее получить... своими способами. В этом ничего нет ужасного. Каждый работает в меру своих возможностей. Так же, как и я.

Откровенно говоря, этот испепеляющий свет после часа работы начал меня доставать. Руки делали осмотр уже на интуитивном уровне, и это меня спасало. Хорошо, что Сэм рассказал мне про убийства, иначе заметив сходство «симптомов» (а их не заметить я не мог, ибо органы в очередной раз перемещены со своих родных мест), я бы устроил ему очную ставку, зажав в лифте. Не исключено применение тех же приемчиков, что были в лекции Макса.

Мы с Сэмом познакомились еще в школе. Я, Макс, Рич и Джон постоянно задирали его. Его гребнем торчащие волосы не давали мне покоя! Насколько я помню, я шутил только над ним. Наши мамы ходили в один и тот же магазин по субботам, и после того, как моя мать возвращалась, я получал люлей, потому что Сэм вновь плакал из-за меня. Очень часто он врал на меня, а сам ныл из-за двойки, и чтоб хоть как-то оправдаться перед своей матерью, сваливал все на меня. Но это то, что касается начальной школы. В средней школе мы классом ездили в лагерь, и его так достали, что как-то утром к нам в столовую спустился лысый Сэм. Абсолютно лысый! У него интересная форма черепа. Я помню, вся очередь обернулась

на него, ложки перестали стучать, и рты замолкли. А он шел мимо нас всех в наушниках, будто ничего не произошло. Тогда он думал, что обыграл нас всех, так сказать, поставил на место. Но после полного бритья его волосы стали еще жестче. Естественно, поводов для смеха появилось больше. Но как оказалось потом, нас с ним интересовала одна и та же вещь – медицина. Так мы оказались в одном институте и на одном факультете. Подавая документы в институт, мы были врагами, но заканчивали его в статусе друзей.

С тех пор прошло немало времени, и Сэм научился пользоваться гелем для укладки волос. Возможно, мои издевательства сделали из него перфекциониста. Теперь даже если захочешь к нему придаться – не сможешь, потому что не к чему.

Обычно, когда мы что-то делаем или говорим человеку, мы забываем подумать, какой эффект это на него произведет (кроме комплиментов и всякой мелкой лживой лести). Мы ведь просто выражаем свою точку зрения, свои мысли, в этом нет ничего страшного. И порой даже не подозреваем, какой именно комплекс подсыпает в чай собеседнику. Особенно в детстве, когда человек слишком восприимчив к окружающей среде, когда хочется быть в нескольких местах одновременно, и все тебя так сильно волнует, интересует. Такой возраст называют возрастом почемучки – лет семь-девять. Самое время для ерунды, выражающейся в оскорблениях, которые кажутся смешными, обидных слов «жирный», «глупый» и так далее. Казалось бы, слова, сказанные в этом возрасте, не могут восприниматься всерьез, но тем не менее их сказал ребенок ребенку, поэтому не стоит даже надеяться, что бедняга пропустит оскорбления мимо ушей. Этого будет достаточно для первого уровня развития комплекса, который испортит всю его жизнь, что я и вижу перед собой пять дней в неделю.

Повзрослев, Сэми и сам осознал проблему густоты волос и, приняв это в себе, он нашел единственно верное решение проблемы, подойдя к ней серьезно и рационально. И теперь посмотрите на этого знающего себе цену парня. Может, преодолев свою неуверенность, которую приобрел благодаря мне, он и стал таким. Статным, подкаченным, с уложенными волосами женатым мужчиной. И все же, его комплекс всегда с ним, он тенью ходит за ним, глубоко засев в его голове. Каждое утро он, просыпаясь, смотрит на него в зеркало и по инерции протягивает руку к гелю для волос... Если посудить, своим отличным видом он обязан мне, но как-то уж это грязно звучит. Иногда я правда жалел о том, что задира Сэма, вспомнив какие слова говорил ему вслед, когда тот бежал по школьному коридору, закрыв лицо руками. Но каким бы он был, если бы мы не смеялись над ним? Мужчиной средних лет с пивным животом, однодневной щетиной, невыспавшимся лицом, в вытянувшейся рубашке? Сплошное разочарование. Реальная версия Сэма мне нравится куда больше. Да и если бы мы каждый раз перед тем, как сказать человеку что-то, думали над его чувствами, то принять обет молчания было бы куда легче, чем пытаться понять мысли абсолютно каждого, с кем мы общаемся.

Этот запах убийственен. Я повторяю это про себя каждый раз, когда нахожусь один на один с мертвецом. Со вторым трупом дело обстоит почти так же, как и с первым. Почти. Как только я открыл глаза, увидел перед собой чудовищное зрелище. Пожалуй, такого в своей практике я еще не видел. Каменно-белый цвет тела, обескровленного тела. Создается впечатление, будто труп высушили. Ампутированы руки и ноги. Соответственно, они помещены на места друг друга и пришиты. Теперь этот парень похож на гибрида. Из плеч растут ноги, а к тазу пришиты руки. Пришиты шерстяными нитями очень старого производства. Все волокна поистрепались и еле держатся, поэтому выяснить, кто их покупал сейчас, не получится. Видимо, убийца делал ставку на силу, нежели на крепость своего сооружения. Это можно считать как за осведомленность, так и за непредусмотрительность с его стороны. На лице убитого страшная гримаса. Даже не представляю, что пришлось пережить парню, когда Комар проделывал все это с ним. Резали, насколько я могу судить, пилой – видны рубцы от лезвия. Да, скорее всего, это именно она. Так, а дальше все по сценарию Комара. От электрических лампочек морга

обесцвеченная кожа этого парня излучает божественный свет, такой бархатный ореол вокруг. Очень странное зрелище. «Труп излучает божественный свет». Даже немного пугающе. Вдоль туловища красуется прорезь, на этот раз она не такая открытая. И тем не менее его половые органы перемещены внутрь. Все внутренности не повреждены, если не считать того, что они отделены от сосудов. Они все иссохли.

Я уже вожусь с ним около двух часов. Интересно, где его досье, обычно его оставляет Софи на моем столе. Я снимаю эластичные перчатки и направляюсь в кабинет. Досье нет, но я рад, что отвлекся, этот парнишка начал меня напрягать. Попробую подняться на главный этаж, может, Софи знает что-то.

Поднявшись на лифте, я вышел в холл. Софи сразу заметила меня и расплылась в обворожительной улыбке, сегодня это может сыграть мне на руку. Я медленно подплыл к ее стойке и включил все свое мужское очарование.

– Софи, дорогая моя, а где досье на того беднягу?

Она казалась немного ошарашенной, наверное, думала, что я снова буду ерничать. Но не сегодня, Софи, не сегодня. Она скрестила руки, облокотившись на стойку так, что ее декольте выглядело немного вызывающе. Я ощущал, как мои глаза нервно перебегают от ее груди к полке с лежащим карандашом у нее за спиной. А за моей спиной кто-то напряженно разговаривал по телефону.

– Какое досье? А-а-а, то досье... Оно пока у мистера Стэнли. Мне его не передавали.

– Мистера Стэнли? Странная фамилия...

– Т-ш-ш, он сзади тебя. Это агент, он ведет это дело с убийствами. Лично привез труп и досье.

Софи понизила тон и немного придвинулась к моему уху. И не понятно, то ли она действительно боится, что нас услышат, то ли хочет показать свое достоинство. Одно другому не мешает. Я не стал медлить, ибо уже знал, что буду делать. Я развернулся и решительно направился к тому мужчине в костюме. Он был единственным человеком презентабельной наружности, и я посмел предположить, что это и есть мистер Стэнли. Он был высокого роста, светлые волосы, одет в черный костюм-тройку и белую рубашку. Очки подчеркивали овальное лицо, но чертовски ему шли. У него широкие плечи, через костюм просматриваются мышцы рук. И когда они только время находят на спортзал? Я начинаю чувствовать себя ущербно с моим отсутствующим прессом и задницей не в форме ореха. Я обошел слева и оказался перед ним. Его лицо напоминало манекен, стоящий в магазине в точно таком же костюме. Он украдкой посмотрел на меня сверху вниз и продолжил теребить папку.

– Вы мистер Стэнли?

– Стэнли – да, это я, – агент неприветливо глянул на меня и захлопнул папку с досье.

– Да, странная фамилия. Прошу прощения. Мне неловко.

– О, да, я вижу это по вашему скупому лицу. Чем обязан, мистер...?

– Просто Николас, прошу вас. И мне нужна ваша папка.

Он растеряно посмотрел на меня, затем на папку. Его напряженный взгляд никак не вязался с его образом «людей в черном».

– Простите? – он чуть сильнее сжал папку в руках.

– Мне нужна эта папка. В ней то, что мне необходимо, – медленно проговорил я почти по слогам.

– О чем вы говорите? В этой папке конфиденциальные данные. И я не в праве...

– Минутку, не нужно хорохориться, – я показал на свой бейджик. Он заинтересованно посмотрел на него, опустив папку ниже. – Итак, начнем еще раз. Я Николас, работаю в этой больнице судмедэкспертом, причем независимым. И ваша контора попросила меня осмотреть те два трупа с интересными «симптомами».

– «Симптомами»? Я смотрю, патологоанатомы – шутники, – на его лице появилась саркастичная ухмылка.

– Эх, скажите это Сэму.

– Что?

– Не обращайтесь внимания. Ну так теперь мне можно получить досье?

Я приложил кучу усилий, чтобы изобразить улыбку на лице. Чувствую себя подростком, который уламывает девчонку на секс. И эта девчонка почти сдалась...

– Хорошо, но я жду эту папку через полчаса с вашим отчетом внутри, – он хладнокровно протянул мне ее, даже не посмотрев на меня, тем самым еще больше унизив мое положение.

– У меня к вам предложение. Не хотите ли вместе спуститься в мою обитель? Понаблюдаете за моей деятельностью, возможно, поймете, почему мы все такие шутники.

– Думайте, стоит?

– Уверен.

Я вежливо немного подтолкнул его к лифту, и он окончательно сдался. Софи все это время наблюдала за нами. Спустившись на нужный этаж, мистер Стэнли шел за мной и, озираясь по сторонам словно турист в музее, осматривал стеллажи и инструменты. По своей профессии он видал трупы, но не встречался с инструментами, что их изучают. Он перетрогал все скальпели и зажимы, что я использовал при осмотре, ничего не говоря, пока я изучал досье. У погибшего парня тоже была спокойная жизнь – работал официантом, 22 года. Не подкопался. Но его же убили за что-то.

– Что скажете? – вдруг мертвую атмосферу разрубил его уверенный тон.

– Скажу, что хотел бы посмотреть на место преступления, – я отложил папку и скрестил руки на груди. Я был настроен решительно. Сейчас он снова начнет ломаться...

– Я, вероятно, плохо вас расслышал.

– Не думаю, но я повторю. Я хочу посмотреть на место преступления. Так как я независимый эксперт, я не связан обязательствами ни с кем, кроме своего дела. Поэтому мне будет легче дальше строить возможные гипотезы для выяснения личности убийцы.

– Вы явно шутите. Нам не нужна ваша помощь. Вы работаете с мертвецами, так работайте с ними. Мы же работаем с живыми. Это не в вашей компетенции, при всем моем уважении.

– Судя по второму поступившему в мое отделение мертвецов, вы хреново работаете, сэр.

– В любом случае, вам не светит попасть на место обнаружения.

– Конечно, на место обнаружения – нет, мне нужно на место преступления. Судя по следам на спине, оба трупа тащили. Значит, вы приведете меня туда.

– Да с чего вы это взяли? У вас друга квалификация.

– Это мои проблемы. От вас не убудет, если я всего лишь осмотрю его. У вас же ничего не выходит. Вы новенький, раньше к нам приходил мистер Стил. Так вот, он мне доверял и иногда пускал посмотреть обстановку.

Червяк с мыслью уже достаточно глубоко обосновался. Ждем.

– Ну хорошо, только вам придется кое-что подписать...

Подписав пару документов о конфиденциальности в двух экземплярах и еще пару документов о неразглашении также в двух экземплярах, оставив отпечатки пальцев в их базе, затем сдав анализы, результаты которых были помещены туда же на базу, я все-таки был допущен до осмотра. Под пристальным взглядом мистера Стэнли, конечно же.

Оказывается Том (наш новоиспеченный сэр позволил себя так называть) неплохой парень, когда не сует мне в лицо кучу бумажек на подпись и не спрашивает про мои анализы. У него есть нормальная среднестатистическая семья, включающая в себя жену и ребенка – дочь Элизабет, пять лет. Я удивился, когда узнал, что ему 26 лет. Думал, ему как минимум 30. Наверное, этот костюм и напряженный измотанный вид прибавили ему пару лет. Еще он рассказал историю своей семьи: как его бабушка и дедушка переехали из Лондона в этот горо-

док, а также как его родителям посчастливилось купить квартиру за небольшие деньги в самом центре, что с течением времени превратился в старый город. Именно там сохранилась старинная лепнина на домах, памятники архитектуры, ну и, естественно, огромное количество туристов. Раньше я много времени проводил в тех районах Уинчестера. Тогда у меня было больше свободного времени, денег и мыслей. Меня успокаивали те старички, что еле слышно и неторопливо шагали по своим родным улицам, наверняка вспоминая былые времена их молодости. А еще там была лавочка между двумя забытыми всеми улицами с замечательным натуральным лимонным мороженым. Ею управлял мой знакомый. Год назад лавочку прикрыли из-за некупаемости. Все люди перешли на химические добавки, которые вкуснее и всегда найдутся в ближайшем супермаркете. Тогда я покупал то самое мороженое, перекинувшись парой фраз с Брэндонном, сидел на скамейку возле затерянного фонтана и наслаждался вдохновляюще постаревшим Уинчестером.

– Послушай, а в чем смысл того, что я подписал огромную кучу бумажек, еще хуже то, что я их сначала прочел, если мы все равно поехали ночью, когда там никого нет? – возмущался я, когда садился в личный Форд Фокус детектива, одновременно запихивая стопку своих экземпляров документов в сумку. Среди ночи Том позвонил мне и сказал, что у меня есть полчаса, чтобы собраться. Я никогда так быстро не собирался. Конечно, я не мог ему сказать, что я рад, ибо для меня это должно быть нормально – ходить на место преступления. Но я действительно удивлен тем, что он сдержал слово. Он рос в моих глазах. Может, мое первое впечатление о нем было ошибочным?

– Так было нужно для моего личного спокойствия. Так что больше не хочу слышать про это. Я взял тебя под свою личную ответственность, поэтому попрошу без лишних слов и намеков.

– Намеков? Разве я могу намекать? Стой, а если я захочу в туалет, мне тебя как об этом оповестить? Жестами?

– Вот я об этих словах. Не ерничай, – проговорив это, Том сел в машину и захлопнул дверь. Я последовал его примеру.

– Ну так что насчет туалета?

– Дома сходил?

– Да.

– Тогда ни слова об этом больше.

– Хм, подловил. Но я хотел посмотреть на выражение твоего лица.

Он завел машину, и Форд тронулся. Ночью Уинчестер еще никогда не казался мне таким загадочным, как сейчас. Наверное, это из-за того, что я еду на место, где убили человека. Да, возможно, именно по этой причине Том все также смахивает на манекена, замерев за рулем автомобиля и уставившись вперед. Его лицо крайне сосредоточено, руки с силой сжимают руль. Я впервые увидел, как он водит, и сдаётся мне, что он совсем недавно получил права. Свет от фонарей рассекал капот машины, заморосил дождь. По пути нам встретилась пара машин. И что им не спится в два часа ночи? На заднем сиденье я разглядел детское кресло, игрушку-слона и пачку сигарет.

– Интересный набор...

– Ты о чем? – спросил он, не отвлекаясь от дороги.

– Об игрушке и сигаретах, лежащих рядом с детским креслом. Не замечал, что ты куришь.

– Это жена, все остальное принадлежит Элизабет. Я устал повторять ей, чтобы она клала сигареты в бардачок, потому что шаловливые руки дочки вечно ищут, что бы сломать. Как-то она добралась до них и переломала все пополам. Так вот, минут тридцать я не мог успокоить их обеих: одна плакала, потому что это была последняя пачка, а вторая, потому что отобрали

игрушку. С тех пор я вожу запасную пачку в бардачке, а у дочки появился этот слон – первое, что попало под руку в ближайшем супермаркете. Будь добр, положи сигареты в бардачок.

– Да без проблем, – я потянулся за пачкой. – Неплохие сигареты. А ты не против того, что она курит?

– Против, а что это дает?

– Как что? Попроси, чтобы бросила.

– Не в этом дело. Когда я говорил ей, что люблю ее, я понимал под этой фразой то, что люблю ее всю, все ее плюсы и минусы, такой, какая она есть, а главное – я принимаю все это в ней. Я принял ее прошлое, наше настоящее и наше будущее. Зачем связывать свою жизнь с человеком, в котором тебе хочется что-то менять? Это глупо по меньшей мере. Бесплезная и трагичная трата времени ее и своего, когда даешь надежду, а сам тем временем придумываешь план, как бы подстроить человека под себя. Я уважаю свою жену и ценю такой, какая она есть, ибо то, какой она стала и какой она будет, зависит и от меня.

– Как ее зовут?

– Кэтрин.

– Неплохое имя. Я бы вспомнил, что оно означает, но не буду.

Он чуть улыбнулся.

– А ты?

– Что?

– У тебя есть семья?

– Нет.

– Почему?

– Потому что. Я не привык говорить об этом с людьми, кто видел анализ моей мочи.

– Ох, Николас...

– Все хочу спросить тебя. Куда мы едем? Просто мы уже выехали из города и свернули с главной дороги, а то, что ты видел мои анализы, не дает мне покоя.

– Мы едем на заброшенную ферму, там раньше держали свиней. В одном из хлевов и нашли второй труп.

– А как его обнаружили? Мне просто интересно, какого черта туда попрется кто-то.

– Компания ребят с ящиком пива.

– Понятно. Их допросили? Может, это их друг? Или по своей дурости они взяли и...

– Ник, успокойся, ты недооцениваешь работу полиции Уинчестера. Ты просил отвезти тебя на место преступления, больше я ничего не скажу. Я и так нарушил полномочия.

– Ну что ты такой вредный?

Он проигнорировал мой вопрос, видимо, сосредотачивался на парковке возле старого амбара. Были видны следы от шин, оставленные днем ранее. Выйдя из машины, Том включил сигнализацию, затем отворил тяжелые двери амбара и, нащупав рубильник, включил свет. Амбар был небольших размеров. Ощущение, будто он заброшен уже десятки лет. Большинство досок прогнили, изгороди на вид целы.

– Вот это и есть место преступления.

Стэнли повернул калитку, ведущую в загон, и взглядом указал в самый центр. Там остались следы крови и деревянные перекрытия, что, видимо, держали бездыханное тело на весу.

– Все действия были совершены тут, потом его оттащили и посадили в соседний загон, – Том пальцем указал на соседнюю «клетку».

– Чтобы оттащить тело, нужна сила. И почему в загон? Можно было просто оставить его лежащим на балках, но этот Ком... этот убийца, хотел привлечь внимание на себя и на свой поступок. Не зря он сначала настолько сильно изуродовал парня, а потом посадил, будто все хорошо.

– Да, все хорошо, кроме того, что парень мертв. Да еще таким жестоким образом убили, как свинью. Что он такого сделал, чтобы заслужить это?

– Поступил, как свинья.

Том неоднозначно посмотрел на меня.

– Ну а что тогда? Тогда можно предположить, что убийцей могла являться девушка. Обе жертвы – молодые парни. Почему бы нет? А что нашли рядом? Есть отпечатки, вещевые доказательства, хоть что-нибудь?

– Нашли пакеты с кровью второй отрицательной, что принадлежала жертве, эпидерму, короткий светлый волос убийцы, по-видимому. Ну и так, по мелочи: личные вещи парня, ключи от дома, очки.

– Светлый волос?

– Да, что смущает? – встретившись со мной взглядом, уставши произнес Том.

– Ничего. И это все?

– Как видишь.

– Не богато.

– Согласен, действовали чисто. Кроме отпечатков жертвы, больше ничего. Думаю, ты все осмотрел, поехали, я отвезу тебя домой.

«С каждым днем я все глубже понимал свое состояние, и это становилось странно. До тех пор, пока я не научился получать от него истинное удовольствие».

Глава шестая

Неделю от Ричарда не было вестей, а Макс все никак не мог успокоиться. Его график в смартфоне по надоеданию соседям с каждым днем становился все длиннее. И он считал своим долгом каждый день названивать мне и рассказывать про бедных старушек, которых он донимает своими мольбами. Как назло, у него отпуск, неделю которого он потратил на поиски Рича. Что будет дальше, даже представить страшно. Лично я уверен, что с ним все хорошо. Не знаю, откуда во мне такая уверенность. Скорее всего, это из-за того, что все мои мысли занимает дело с Комаром.

С того вечера, как Том отвез меня на место обнаружения второго трупа, больше я не видел детектива. Он не звонил и не писал мне, хотя обещал. На обратном пути он рассказал, как познакомился с Кэтрин. Это было так мило, что под конец я уже засыпал. И как он может рассказывать что-либо о своей семье чужому человеку? Если не считать, что он видел мои анализы и то, что ранее осматривал со мной труп. Либо он это говорил ради самих слов. Есть такие люди, и, если их не остановить, они расскажут даже то, где прячут деньги. А все ради того, чтобы хоть как-то избавиться от чувства неуютного напряжения. Они попросту не могут сосредоточиться на чем-то одном, когда чувствуют себя неловко, и от этого начинают пороть чушь, считая, что после рассказа степень доверия между собеседниками вырастет, и ему станет легче. Есть еще вариант. Видимо, у него просто нет приятелей, с кем по субботним вечерам можно было бы поговорить под пивко по душам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.